

АКТУАЛЕН ЛИ ВАЛЬТЕР СКОТТ СЕГОДНЯ?

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

В обзоре анализируются доклады международной научной конференции, посвященной творчеству Вальтера Скотта, проведенной в Парижском университете (Сорбонна-IV) 5–6 июля 2012 г. Рассматриваются тематика, проблематика и методологические подходы авторов докладов к творчеству писателя; делается акцент на том, как зарубежные ученые интерпретируют произведения Скотта с точки зрения взаимодействия телесного и духовного начал. Выясняется, что предложенный организаторами конференции ракурс взгляда на мастерство Вальтера Скотта позволяет обнаружить «синтетическую» природу метода словесно-образного освоения писателем мира и человека, соединяющего романтическое, сентименталистское, классицистическое и реалистическое. В статье выделяются также проблемные аспекты творчества писателя, не исследованные российской англистикой.

Ключевые слова: Великобритания; романтизм; роман; исторический роман; рецепция; Вальтер Скотт; телесное; духовное.

Казалось бы, романы Вальтера Скотта (*Walter Scott, 1771–1832*) уже давно перекечевали на детские полки в публичных и личных библиотеках, и если и существует интерес к его работам, то только чисто историко-литературный, когда ни один сколько-нибудь серьезный университетский курс мировой литературы не обходится без разговора о «великом шотландце». Причем не только тогда, когда речь идет о генезисе жанра исторического романа, но и при обсуждении проблем становления современного романа в целом [Соловьева 2007: 131–159]. Приходится с сожалением констатировать, что когда-то самый читаемый англоязычный писатель в мире (эта слава пришла на 1810–1830-е гг.) давно не становился предметом серьезного монографического исследования в российской науке. Вероятно, мало кто рискнул бы в нашей стране добавить что-либо к сказанному о нем такими знатоками творчества Скотта, как Б.Г.Реизов, С.А.Орлов, А.А.Бельский, А.А.Долинин, и уж тем более пересмотреть некоторые устаревшие подходы и оценки.

Однако за рубежом внимание к творчеству и личности Вальтера Скотта несколько не уменьшается, более того – находит новые и весьма плодотворные повороты. Так, 5–6 июля 2012 г. в Парижском университете, в знаменитой Сорбонне (Paris Sorbonne-IV), состоялась международная конференция, участникам которой предлагалось посмотреть на творчество Скотта под весь-

ма любопытным углом зрения. Конференция называлась «Телесное и духовное в творчестве сэра Вальтера Скотта» («Corporeal and Spiritual in Sir Walter Scott's Works»). Прямо скажем, отечественная наука практически никогда не рассматривала произведения Скотта в этом ракурсе. Тем более было интересно побывать на этом форуме и попытаться понять, насколько по-другому позволяет такой подход увидеть мастерство Скотта, какие перспективы в понимании художественного мира писателя подобный исследовательский акцент открывает.

Сразу же отметим широкую географию мировой «скоттианы», представленной на конференции: помимо большой делегации шотландских ученых из университетов Абердина, Эдинбурга, Глазго, а также из музейно-исследовательского центра Эбботсфорда (родины Скотта), с докладами выступили ученые из Англии, Чехии, США, Франции, Японии, Тайваня. Автор статьи представлял Россию на этом международном форуме.

Как известно, романтики скептически относились к миру вещей и телесности, а если и обращались к этой сфере, то только в той степени, в какой они связаны, по Шеллингу и иейнцам, с вечной тайной движения жизни (см. об этом: [Яшенькина 2006: 9–11]). Еще Гегель полагал, что «подлинным содержанием романтического служит внутренняя жизнь, а соответствующей формой – духовная субъективность, постигаю-

щая свою самостоятельность и свободу» [Гегель 1969: 233]. По мере динамики романтического миропонимания, по Н.Я.Берковскому, «объективная жизнь предается косности» [Проблемы романтизма 1971: 9], а соответственно – мир вещей и предметов, равно как и тела, суть статика и обыденное, низкое, лишенное лирической страстности и острой индивидуальности. Это нечто, неизбежно предающее душу человека коррозии, толкающее ее в объятия «зла как натуральной, от материи неотделимой силы» [там же: 13].

Однако предложенный организаторами конференции ракурс взгляда на мастерство Вальтера Скотта позволил в конечном счете еще явственнее обнаружить «синтетическую» по подходам к словесно-образному освоению мира и человека природу метода писателя, соединяющего романтическое, сентименталистское, классицистическое и реалистическое мировоспроизведения. В этом случае вещность и телесность оказываются совершенно не лишними, а порою крайне необходимыми. Российские специалисты всегда говорили о том, что мир Скотта существует «на грани» между романтизмом и реализмом, что внешний мир воспроизведен в романах писателя в подавляющем спектре своих подробностей, что его герои «выступают, как правило, в типических обстоятельствах, в конкретной социальной или исторической среде, что существенно отличает их от персонажей чисто романтической литературы. Этому способствует то, что герои Скотта, наделенные романтическими чувствами и страстями, никогда не воспринимаются как символы, мы в них всегда видим реальных и живых людей, что называется, «во плоти и крови» [Бельский 1968: 329–330].

Вот почему категория «тело» оказалась такой востребованной участниками конференции в Сорбонне. Причем авторы докладов, размышляя над этой категорией в творчестве Скотта, обращались ко всему корпусу художественных произведений писателя: от романтических баллад и поэм раннего этапа до эссе и драматических опытов, в нашей стране практически не изученных. Хотя, конечно, в большинстве докладов анализировались вершинные произведения: романы «Роб Рой», «Уэверли», «Эдинбургская темница», «Пуритане», «Квентин Дорвард».

Например, **Вирджиния Томас** из Гренобля говорила об одной из драматических поэм Скотта «Свадьба в Трирмене» (1813) как авторском преломлении традиций артуровского цикла, античной лирики и мифа о спящей красавице. Здесь принципиально важными оказались размышления докладчицы о преодолении Скоттом балладности, о создании им лиро-эпической поэмы в духе Байрона и Шелли. В.Томас проде-

монстрировала жанровое и стилевое своеобразие поэмы на примере того, как «работает» Скотт-поэт с различными «словесно-образными телами» – женским, мужским, детским, социальным, текстовым. В центре внимания Скотта-поэта – физическое тело: желанное и желающее, что придает особую краску всему сюжету поэмы и позволяет говорить об определенной сексуальности художественного мира, созданного в поэме. Вместе с тем автор доклада доказывала, что интертекстуальность поэмы, ее проблемная многофокусность направлены прежде всего на духовное совершенствование читателей, что позволяет обнаруживать столь свойственную поэзии Скотта дидактичность, назидательность.

В.Томас лишь вскользь коснулась роли готического начала в поэзии Скотта, в то время как **Эйнсли Макинтош** из Абердина, анализируя «Песнь последнего менестреля» (1805), сделала особый акцент на готическом и сверхъестественном в поэме, продемонстрировав то, как оригинально обращается Скотт с жанром пасторали. Причем докладчица сосредоточилась на образе центральной героини поэмы, показывая, насколько уникален он для поэтического мира Скотта. Именно поэтому в докладе была проведена параллель между этим образом и образом Эллен из «Девы озера» (1810). Выступая при обсуждении доклада Макинтош, профессор **Дэвид Хьюитт** из университета Абердина подчеркнул, что необходимо отказаться от подхода к поэтическому творчеству Скотта как только к «пробе пера», а профессор **Джеймс Чандлер** из Чикаго предложил внимательно посмотреть на поэтические произведения писателя через его натурфилософские взгляды, которые лишь оттеняются готикой, весьма своеобразно представленной в поэме. В этом отношении в его реплике по поводу доклада Макинтош прозвучала плодотворная мысль о сопоставлении по этому мировоззренческому срезу поэм Скотта и Вордсворта, в том числе и с точки зрения поэтизации обыденного.

Совершенно закономерно, что в центре внимания большинства докладчиков на конференции было романное творчество Скотта – создателя жанра исторического романа и автора ряда социально-бытовых романов, которые многими историками литературы воспринимаются как предтечи классического английского социального романа (см.: [Бельский 1975: 3–131; 192–196]). Взгляд на романистику писателя через призму коллизии телесного и духовного оказался весьма продуктивным и позволил ряду исследователей увидеть немало интересного в поэтике как отдельных произведений писателя, так и романа в целом.

Например, одними из самых ярких были доклады ведущих на сегодняшний день англоязычных специалистов по творчеству Вальтера Скотта – Дэвида Хьюитта (университет г.Абердин) и Джеймса Чандлера (университет г.Чикаго).

Американский исследователь в докладе «Вальтер Скотт и сентиментальное тело» показал, насколько плотно связан писатель с английской романической традицией, по-разному складывавшейся в творчестве Ричардсона и Стерна, но в равной степени обращавшей читателя к исследованию чувства, т.е. к тому, что по-английски называется «sentimental case», иначе говоря – к самоанализу и самооценке. Как известно, эта тема – едва ли не переходящая из века в век в английской литературе, что во многом проистекает из господства в британском (протестантском) сознании важности не божественного авторитета, а разумности и личного, основанного на жизненном опыте, суждения. На примере ряда образов из романов «уэверлейского цикла» Дж.Чандлер продемонстрировал, какое место принадлежит скоттовским героям в этой линии художественного воспроизведения сентименталистской моральной теории, начало которой положили писатели XVIII в. и продолжили некоторые писатели XIX столетия – Диккенс например.

Профессор Д.Хьюитт обратился к весьма специфичному объекту исследования – теме смерти и мертвому телу в романах писателя, полагая, что нет в английской литературе писателя, у кого было бы больше воспроизведено смертей, нежели у Скотта. По мнению Д.Хьюитта, обращаясь к теме смерти, Скотт выбирает ее как тему, которая наиболее зримо, драматично и эмоционально связывает прошлое, настоящее и будущее в некое единое целое. Докладчик развернул этот тезис на большом количестве примеров, начиная с ранних романов Скотта и заканчивая самыми последними его произведениями.

Майкл Мерфи из университета г.Лилль и **Юко Мацуи** из Токийского университета исследовали роман «Уэверли» (1813) с точки зрения особенностей художественной репрезентации телесного начала в поэтике произведения.

М.Мерфи на примерах из текста романа проанализировал этот аспект через очень интересный ракурс – «одетое тело» Уэверли, когда одежда персонажа выступает своеобразным символом героя, его «визитной карточкой»: всегдашняя опрятность Эдварда Уэверли, чистота его одежды, авторский акцент на его рубашках и камзоле, даже на саквояже с чистой одеждой, который «путешествует вместе с героем, становятся своего рода отражением «английскости», принципиальной и сюжеторазвивающей «нешотландскости» титульного героя, его положения

«над схваткой» шотландцев и англичан – центрального противостояния в романе, т.е. того, что в отечественной «скоттиане» с легкой руки Д.В.Затонского получило название «межеумочность» героя [Затонский 1973: 376] как выражение авторского утверждения компромисса – единственно верного разрешения всяческих коллизий, по Скотту.

Ю.Мацуи посмотрела на первый роман Скотта с иной стороны – с точки зрения создания автором «нарративного тела». Докладчица текстуально проанализировала первую и последнюю главы романа, продемонстрировав, как Скотт создает «тело нарратора» (или, как утверждает Мацуи, «полутелесную фигуру повествователя»), чтобы установить как можно более тесный контакт с читателем. В этом отношении Ю.Мацуи проводит параллели с нарративным мастерством Филдинга в его «Истории Тома Джонса, найденныша». Безусловно, размышления японского исследователя вписывают Скотта в традицию нарративного диалога автора и читателя, столь важную для англоязычной литературы едва ли не со времен Чосера, но приобретающую новые черты в романе XIX в. Вклад Вальтера Скотта в эту традицию должен быть адекватно оценен, в чем еще раз убедил доклад Ю.Мацуи.

Кстати, на эту же тему – взаимодействия автора и читателя, построенного в форме своеобразной игры, – был и доклад исследовательницы из университета г.Лидс **Эллис Мостин**. Докладчица обратилась к роману «Приключения Найджела» (1822), где, по ее мнению, писатель придает своему общению с гипотетическим читателем оттенок комикования, тем более что роман во многом построен как комический эпос лондонской жизни времен Якова I. Нравоописательное начало романа совершенно очевидно превалирует над собственно историческим, а потому погружение в бытовую сторону жизни Лондона 1620-х гг. составляет доминанту сюжетно-повествовательной организации произведения, в которой, по мнению Мостин, существенную роль играет сексуальный момент. Здесь нельзя не согласиться с выступившим в прениях по докладу профессором Д.Хьюиттом, который обратил внимание на неисследованность имплицитной сексуальности в романах Скотта, которая в ряде романов, например в «Ламмермурской невесте» и «Айвенго» (оба романа 1819 г.), теряет свою подтекстовость и становится важным компонентом характерологического зачина в произведениях. В «Айвенго» это особенно проявляется в структуре образа Бриана де Буа-Гильбера, где трактуемая героем едва ли не как дьявольское наваждение и всячески подавляемая им сексуальная тяга к Ребекке (очевидна предтеча образа

Клода Фроло в «Соборе Парижской богородицы» (В.Гюго) становится доминирующей. Драматическому и психологически основательно поданному противоречию телесного и духовного как основе образа храмовника был посвящен доклад автора этой статьи. Кстати, для многих из присутствующих на конференции стал откровением тот факт, что в нашей стране, единственной не англоязычной, было предпринято издание сначала двадцатитомного (1960–1965 гг.; переиздание в 1997–1999 гг.), а затем и двадцатидвухтомного (1992–1998 гг.) собрания сочинений Вальтера Скотта, что свидетельствует о большой читательской популярности писателя в России.

О восприятии Скотта в других странах так или иначе говорилось практически во всех докладах, прозвучавших на конференции. Нередко этот вопрос возникал при обсуждении выступлений, как это произошло в случае с докладом российского представителя. Однако доклад **Пола Барнеби** из Эдинбургского университета был специально посвящен восприятию романистики Скотта во Франции сразу после наполеоновской эры – в период так называемой Реставрации. Романы писателя в этом случае переводили его поздние современники в особых историко-политических условиях, а также в ситуации острой литературной полемики между классицистами и романтиками, в преддверии возникновения социального реализма. Обратившись к книге А.-Ж.Дефоконпре «Перечитывая Скотта», вышедшей в 1850 г. и анализирующей восприятие произведений писателя с начала 1820-х гг., Барнеби на сопоставлении французских переводов романов «Пуритане» (1816), «Роб Рой» (1817), «Эдинбургская темница» (1818), текстов произведений на языке оригинала и комментариев французского литературоведа продемонстрировал, как переводчики и литературоведы пробурбонского, легитимистского мировоззрения, доминировавшего в то время в официальной социально-политической жизни Франции, трактовали проблемы политики, революционного насилия, сексуальности, маскулинности и феминности, характерные для этих произведений Скотта.

Нельзя не отметить группу докладов, которые были посвящены влиянию шотландской природы, ландшафта и архитектуры (Эбботсфорда в том числе) на творчество писателя. Так, например, американский исследователь **Сэмюэль Бейкер** из университета г. Остин размышлял о роли архитектурного экфрасиса в романистике писателя, в частности – готического типа, который исследователь назвал «готическая пастораль». Особый акцент был сделан на поздних романах – «Монастырь» (1820), «Аббат» (1820), «Талисман» (1825) и других, где тяга к такого

рода экфрасису отражает известный поворот писателя в сторону усиления романтического начала в выписывании обстоятельств – географических, топографических, бытовых и пр.

Джоанна Кук из музея-заповедника Эбботсфорда рассказала о политике музея в области сохранения архитектурного и ландшафтного своеобразия Эбботсфорда многие особенности которого были отмечены как в художественных произведениях Скотта, так и в его дневниках, письмах, статьях. Одной из задач сотрудников музея как раз и является, как говорила Дж.Кук, сохранение облика Эбботсфорда, как можно более близкого к скоттовским временам. Еще одна сотрудница музея-заповедника **Линдсей Леви** на основе биографических материалов музея убедительно показала, как увлекался Вальтер Скотт современными ему научными исследованиями, особенно в области медицины и электрической теории, тем самым, по словам докладчицы, предвосхитив Виктора Франкенштейна и его Монстра из романа М.Шелли «Франкенштейн» (1818).

В какой-то степени к этой группе примыкал доклад чешской исследовательницы **Марии Михловой** из Карлова университета в Праге о концепции красоты у Скотта. Докладчица говорила о понимании Скоттом красоты человека, опираясь на его дневники и письма в большей степени, чем на художественные произведения. Кроме того, М.Михлова тщательно проанализировала все имеющиеся в музее картины-портреты, по большей части женские, с точки зрения формирования скоттовской идеи «красивого человека», а то и красоты вообще, поскольку докладчица обратила внимание на то, как увлекался Скотт собаками и как он восхищался красотой многих из них в своих письмах и дневниках.

Любопытным контрастом докладу Михловой о воздействии на мировоззрение Скотта женщин и женской красоты прозвучало выступление **Анны Фэнсит** из Бирмингемского университета, которая размышляла о том, почему и как Скотт прошел «мимо» материнства, и о том, что в поэтике его романов «материнское тело» практически не представлено. Докладчица справедливо связывает это с тем, что в романах Скотта преобладает мужское начало, особенно с точки зрения развития сюжета и динамики характеров. Скотт безусловно ориентируется на мир маскулинизированных ценностей; тем более, по мнению Фэнсит, почти все «уэверлейские романы» Скотта – это истории о верной или ошибочной самоидентичности главного героя-мужчины. Вот почему так ценны те немногочисленные примеры внимания писателя к материнству, которые присутствуют в «Уэверли», «Роб Рое» или «Пурита-

нах». Докладчица весьма пространно их прокомментировала с точки зрения значения для реализации основных идей произведений.

Доклад А.Фэнсит любопытнее тем, что является попыткой посмотреть на произведения Скотта сквозь призму гендерных вопросов. На конференции была предпринята еще одна попытка обратиться к творчеству писателя при помощи сугубо современных методологий литературоведческого исследования. Имеется в виду доклад американского ученого **Ивена Готлиба** (университет Орегона) «Вариации постгуманизма в прозе Скотта». В нем автор посмотрел на романистику «шотландского чародея» сквозь призму теоретико-литературных штудий последних лет: постмодернистских, постгуманистических, эко-критических, объектно-онтологических, дискурсивных и др. Автор доклада обратил особое внимание на образы горных шотландцев в романах Скотта, которые, на его взгляд, своей естественностью (правда, нередко трактуемой писателем не без иронии) противостоят механистически-цивилизационному подходу к жизни и оказываются целостно соприродными миру во всех его проявлениях. Одновременно Готлиб размышлял, опираясь на дневники и письма писателя, об интересе Скотта к техническому прогрессу, находя здесь известную переключку с идеями Ж.Делёза и Ф.Гваттари о машинах и механизмах и их противоречивой роли в человеческой жизни.

Своеобразным дополнением к докладу Готлиба, пытавшегося «приложить» к творчеству Скотта сверхсовременную методологию литературоведческого анализа, выглядел доклад тайваньского исследователя **Канг Йен Чу** «Бестиария Скотта»: опыт постколониального прочтения «Роб Роя». Докладчик проанализировал известный роман Скотта с точки зрения «имперскости» мышления и поведения Фрэнка Осбалдистона – главного сюжетно-повествовательного «рефрактора» в романе, меряющего все и вся дихотомией «свой – чужой», как и «задал» писатель. В связи с этим гэльская культура, т.е. «горношотландская цивилизация», с которой вынужденно знакомится Осбалдистон, предстает подвергаемой гонениям, отчуждению и разрушению.

Два эти доклада особенно любопытны и в силу своей дискуссионности, и в силу того, что доказывают, насколько созвучным нашему времени может быть творчество талантливого писателя, обращавшегося к вечным проблемам человеческой сути и человеческого существования.

Конференция «Телесное и духовное в творчестве сэра Вальтера Скотта», собравшая более двадцати ведущих специалистов из многих стран, еще раз подтвердила, насколько разнооб-

разно в проблемно-тематическом, жанровом, поэтологическом, родовидовом аспектах творчество великого шотландского писателя. Исследовательский интерес к произведениям Скотта не угасает¹, более того, они оказываются открыты многим современным методологическим подходам, благодаря которым в творчестве писателя обнаруживаются новые смыслы. Конференция показала значимость для истории мировой литературы всего корпуса произведений Скотта – его романов, поэм, драматических и эссеистских произведений. Докладчики еще раз подчеркнули, насколько интересной была личность писателя, его жизнь и быт.

Примечание

¹ На страницах наших изданий неоднократно освещались результаты исследований курганского ученого Т.Г.Лазаревой, переосмысляющей отношение Вальтера Скотта к Средневековью (см.: [Лазарева 2009, 2010а, 2010б, 2012; Бочкарева 2010]).

Список литературы

Бельский А.А. Английский роман 1800–1810-х гг.: учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. Пермь, 1968. 334 с.

Бельский А.А. Английский роман 1820-х гг.: учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. Пермь, 1975. 206 с.

Бочкарева Н.С. О границах и рубежах в истории литературы и культуры // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.3(9). С.154–156.

Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1969. Т.2. 326 с.

Затонский Д.В. Искусство романа и XX век. М.: Худож. лит., 1973. 534 с.

Лазарева Т.Г. Антикварное движение в Британии XVIII века и Вальтер Скотт // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып.4. С.45–50.

Лазарева Т.Г. «Безумный» рыцарь: психология средневекового человека в романах Вальтера Скотта // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып.4(10). С.105–110.

Лазарева Т.Г. Мотивный инструментарий рыцарского романа в романах Вальтера Скотта о Средневековье // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып.5(11). С.84–88.

Лазарева Т.Г. Особенности медиэвизма Вальтера Скотта // Мировая литература в контексте культуры. Пермь, 2012 (в печати).

Проблемы романтизма. М.: Искусство, 1971. 304 с.

Соловьева Н.А. В.Скотт // История зарубежной литературы XIX века: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2007. С.131–159.

Яшенькина Р.Ф. Проза немецкого романтизма: текст лекций / Перм. ун-т. Пермь, 2006. 156 с.

IS WALTER SCOTT ACUTE TODAY?

Boris M. Proskurnin

**Professor of World Literature and Culture Department
Perm State National Research University**

In the review the author gives a survey of the presentations given at the international conference devoted to the works of Walter Scott held at Sorbonne Paris-IV University July 5-6, 2012. The author regards the main ideas, problems and methodological approaches to the writer's works of the conference speakers, and shows how foreign researchers interpret W.Scott's works from the point of view of interaction of the corporal and spiritual. It is revealed that the proposed by the organizers point of view on W.Scott's works allows to see the "synthetic" nature of the method of verbal-image perception of the world and man used by W.Scott, who combined the romantic, sentimentalist, classic and realistic. The article deals with the problem aspects of the writer's works, which have not been studied in English Literature Studies in Russia yet.

Key-words: Great Britain; romanticism; novel; historical novel; reception; Walter Scott; corporal; spiritual.